

безупречной принципиальности, душевной щедрости, тонкого, ласкового юмора, бескорыстной любви к литературе и искусству.

Он пользовался большой любовью и уважением своих друзей, учеников и знакомых. Его воспитательная и культурно-образовательная роль очень плодотворна и высока. Память о нем в нашем сознании и наших сердцах не может померкнуть.

В. В. Виноградов

О Н. К. ГУДЗИИ — ЧЕЛОВЕКЕ

Когда умирает человек, хочется запомнить прежде всего его человеческие черты. Огромный вклад, внесенный ученым в науку, всегда останется с нами. К научным трудам умершего мы всегда сможем обратиться и после, а вот человека не стало! Нет больше живого, быстрого, искреннего друга, доброжелательного и вспыльчивого, доверчивого к доброму и недоверчивого ко всему злему, недоумевавшего перед всякой человеческой подлостью, до конца своих дней отказывавшегося понимать, зачем люди делают зло друг другу, страстно искавшего справедливости.

Николая Каллиниковича называли совестью советского литературоведения. Это не титул и не должность. Этим званием не награждают; его нельзя выслужить, но его можно заслужить.

Он заслужил это высокое звание своею искренностью и правдивостью. Он был правдив и искренен во всем, что он писал, делал и говорил. Он не был ни дипломатом, ни чиновником, ни хитрецом. Он не мог притворяться, выжидать или молчать, когда надо было протестовать, заступаться или кого-то поддерживать.

Как и многие очень добрые люди, он был вспыльчив. Сколько раз мы видели его рассерженным, возмущающимся, но, вспыхив, он быстро отходил.

И он был очень добр. Он никогда не радовался чужим неудачам, оплошностям, ошибкам, смешному положению, в которое попадал человек. Дурные поступки его всегда болезненно огорчали. Зато как он радовался чужим успехам, удачной книге, удачному выступлению, награждению достойных. В нем не было ни на йоту злорадности. Это было нечто несовместимое с его натурой. Он был доброрадостен.

Его очень много фотографировали ученики. И на всех фотографиях «гудзиевское» выступало очень ярко: его характерные жесты, его улыбка, его глаза. Это потому, что он всегда был самым собой: искренним до предела. И глаз фотоаппарата это тоже «видел».

Когда он был в Англии, он очаровал англичан. В особенности в восторге были от него правнучки Вальтера Скотта. Он сумел завоевать их сердца своею непосредственностью. Когда он приехал к ним в замок и его встретили две пожилые хозяйки, он искренне изумился: «Какие же вы правнучки, — ведь правнучки должны быть девочками!» Но правнучки нашлись. В тон Николаю Калининичу они заявили, что очень огорчены, что не подошли ему по возрасту. «Напротив, — заявил Николай Калининич, — я обрадован, что ваш возраст подходит к моему». Через полчаса он уже с ними танцевал. И Николай Калининич танцевал за двоих. Вернее: он танцевал с двоими. Может быть это легенда, но легенду эту рассказывали мне англичане. Она отражает то впечатление, которое произвел на англичан Николай Калининич. А разве меньше были очарованы им шотландцы? Даже через несколько лет после посещения Эдинбурга Николаем Калининичем студенты университета прислали ему теплый шотландский плед. Они его не забывали...

В науке, в литературе, в жизни — его всегда интересовали прежде всего люди. И он всегда стремился к установлению справедливости в отношении людей.

Не потому ли он так интересовался древнерусской литературой и Львом Толстым, что он и сам был страстным правдоискателем? Не потому ли он так любил заниматься историографическими вопросами, что это отвечало его стремлению восстанавливать справедливость? Вспомните его статьи о Тихонравове, Буслаеве, Веселовском и о многих других: он не только изучал их — он заступался за них. Мы все помним

и его замечательную статью «Забывшие имена» в «Литературной газете», где он стремился восстановить доброе имя русских ученых, А. Н. Веселовского в первую очередь.

Каким-то неведомым образом он знал, что должен скоро умереть, и он торопился написать статью о своем учителе — Владимире Николаевиче Перетце, реабилитировать его память, показать его значение в истории нашей науки.

И вот теперь мы должны по достоинству оценить его самого, — того, кто так много и так деятельно заботился о достоинстве и достойной памяти других!

«Какою мерою мерите вы, — такую возмерится и вам». Как трудно призвать на этот последний суд — суд памяти — Николая Каллиниковича! Разве легко соразмериться с ним в этой работе правдоискателя — искателя правды для других.

Никакими словами не заполнить той пустоты, которая образовалась в душе каждого из знавших Николая Каллиниковича с его смертью. Словами эту пустоту заполнить нельзя, но ее можно хоть немного уменьшить, если мы в память об этом добром правдолюбце станем сами хоть немного добрее и справедливее друг к другу, станем более правдивы и искренни во всем, что говорим и пишем.

Д. С. Лизачев

Фотография Н. К. Гудзия, воспроизведенная на стр. 557, сделана А. Н. Робинсоном на IV Международном съезде славистов в Москве (1958 г.).